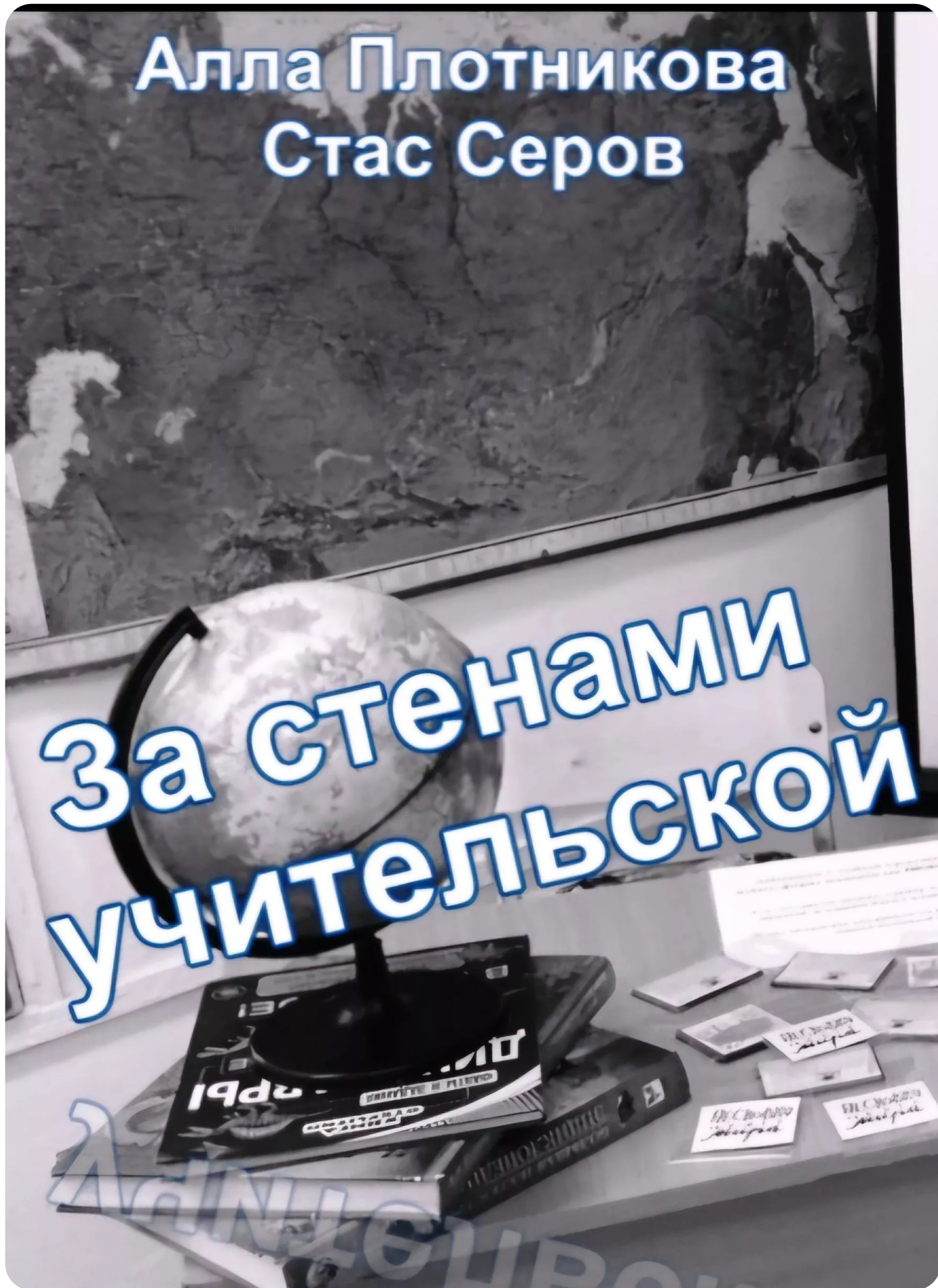

Алла Плотникова
Стас Серов

За стенами
учительской

За стенами учительской-2. Черешня

Жанр произведения: Проза

[Произведение написал автор BookVox Алла Киселева](#)

[Ссылка на публикацию](#)

Перебирая черешню, Евгения Семёновна совсем не думала о том, как замечательно будет зимой, в один из морозных дней достать из подвала баночку с вареньем, устроиться с чашкой горячего чая и наслаждаясь тихим шумом кипящего чайника на раскалённой печи, встречать вечера.

Когда её пальцы, окрашенные бордовым соком, погружались в таз с ароматными фруктами, в её голове крутились мысли об их сложных отношениях с Игорем Владимировичем. Она размышляла о том, как же так получилось, что она, одинокая учительница-монашка в возрасте сорока двух лет, оказалась не только втянутой в адюльтер, но и превратилась в разрушительницу семейных уз, в синоним разврата.

Она вспомнила, как мама всегда наставляла её быть хорошим человеком, как словами, так и своим личным примером. Её родители прожили вместе пять десятилетий, никогда не ссорясь, а мама даже ни разу не повышала голос на Геру Христьяновну.

А дочка превратилась не просто в самую злую и крикливую учительницу, но и в преступницу. Она, словно цыганка, отобрав у пьяного путника коня, увела у жены мужа. Однако если цыганка смело идет на преступление, осознавая свои действия и не скрывая от себя свои терзания, то Евгении Семёновне не хватило смелости даже на этот шаг.

За неё всё сделал, не спрашивая разрешения и не дожидаясь призыва, пример родительских отношений. Он долгое время присматривался, не позволяя сближаться с мужчинами, имеющими недостатки (как будто существуют мужчины без изъянов), а затем бросил её, не умеющую плавать, в омут.

Поправляя обратной стороной ладони очки в классической оправе, Евгения Семёновна поймала себя на мысли, что она вообще не испытывает сожаления по поводу произошедших событий.

Она, словно в трансе, сосредоточила внимание на капле сладко-кислого черешневого сока, которая медленно скользнула от запястья к локтю, и, наконец подобрав её кончиком языка, разразилась смехом, как будто кто-то поведал ей неожиданную шутку.

Наверняка, она смеялась над тем, что, несмотря на многолетние страхи, которые мешали её жизни, ничего трагичного не случилось. Её не закидали камнями, не сварили в масле и даже не выпороли.

А ученики средних классов, шептавшиеся между собой, и полученное от старшеклассников уничижительное прозвище «Бл*** шепелявая», которым её наградили совсем не ученики, а самый заслуженный из учителей, – Галина Николаевна, – как оказалось, совершенно её не волновало, как и осудившие коллеги.

Хотя её впервые в жизни осмеивали, во многом оболгали и как, многие считали, что сломали, она чувствовала себя поразительно счастливой.

Нельзя утверждать, что Евгения Семёновна была несчастной на протяжении всех предыдущих лет. Скорее она просто существовала, проходя через дни без глубоких эмоций. Однако в тот момент, когда всё вокруг неё стало холодным, грубым и пошлым, как типичная российская осень, она осознано ощутила это внутреннее тепло. Это чувство пришло к ней с принятием, с желанием отстаивать себя. При этом она больше не являлась учительницей-монашкой, лишённой пола и возраста, которая срывается на своих учеников по единственной, всем известной причине.

В те дни было поразительно наблюдать за ней. Создавалось впечатление, что она за короткое время преодолевала все стадии взросления, точно маттиола вопреки близким сумеркам смело цвела при тусклом свете луны.

Если бы кто-то наблюдал за ней и видел лишь ее затылок, шею и небольшой участок щеки, он смог бы по ее движениям, мимике и торопливому дыханию узнать, на расшатанном деревянном стульчике, в тяжелых очках и домашнем халате, который поднят до самого уровня бедер, с алюминиевым тазом между небритых ног, перебирая сочные черешни, не женщину за сорок, а скорее, девушку лет шестнадцати.

Изменения были настолько очевидными, что даже те преподаватели, которые ранее осуждали Евгению Семёновну, замолчали. Возможно, это произошло из-за зависти, но скорее всего, они почувствовали своё бессилие перед величественной, непобедимой силой природы.

Пока сок черешни, словно дождь после долгой засухи, наполнял все многочисленные трещины учительских рук, Евгения Семёновна совсем не думала о том, как замечательно будет зимой достать из подвала баночку варенья, и, попивая горячий чай, слушать сопение чайника; и тем более не об их взаимоотношениях с Игорем Владимировичем, а внутри себя прислушивалась к

стуку самого верного из сердец, но то был стук не её сердца...